

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Храпунова Никиты Игоревича «Формирование образа Крыма в английской литературе путешествий конца XVIII – начала XIX в.», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история (Исторические науки)

Представленное диссертационное сочинение относится к такой отрасли исторической науки как «Имагология». Имагология – «наука об образах» или «наука о представлениях», акцентирующая сам процесс создания образа. Стереотипические представления народов друг о друге имеют долгоиграющий эффект, они могут существовать десятилетиями, то «засыпая», то «пробуждаясь» и становясь в периоды обострения международной обстановки материалом для информационной войны. Поэтому изучение представлений о России, русских, крымских татарах имеет несомненную актуальность. Актуальности темы придали события 2014 г.: западные оценки воссоединения Крыма с Россией удивительным образом повторяют многие стереотипы времен его присоединения к России.

Из всего массива описаний Крыма, опубликованных иностранцами, выбор автора пал на тексты англичан. Согласен, что анализ всех травелогов о Крыме (только опубликованных и только именно травелогов) потребует многотомного издания. Наверное, это дело будущего. Но, все же, почему именно англичане? Притом, что у французов была более давняя традиция описания Крыма. И притом, что у Н.И. Храпунова есть научные публикации о «французском взгляде» на Крым...

Во-первых, потому, что образ Крыма в работах английских авторов никогда специально не изучался. Во-вторых, потому что английские авторы не только были в большинстве своем знакомы с травелогом тех же французов (французский язык был тогда языком международного общения), но и сумели привнести что-то *специфически английское* в восприятии Крыма. Такая возможность выявления специфики «английского взгляда» автором декларируется (с. 8, 9). Н.И. Храпунов, безусловно, знаток истории Крыма. Это помогает ему не только дать профессиональный комментарий пассажей английских путешественников, но и вписать историю английского восприятия в общий контекст восприятий Крыма на Западе. А такой подход выводит нас на более масштабную проблему интеллектуальной гомогенности ориентализма.

Крым Крымом, но... Мне доводилось много писать об образе русского «казака» на Западе. Казалось бы – частный случай. Но образ казака – базовый стереотип, казак в текстах западноевропейцев выглядит как олицетворение всей России. «Казачьи» – это топос, это реинкарнация гуннов, это символ варварской (нецивилизованной) России. Спроси среднестатистического западноевропейца, что он знает о России XIX века, и он ответит, что Россия была «тюрьмой народов» и что в ней были «казаки». И это не я так думаю,

так писали до самого последнего времени сами западные историки и социологи. Так и с Крымом. Н.И. Храпунов поднял очень важный вопрос: через анализ размышлений англичан о политике России в Крыму мы выходим на еще одну масштабную и принципиальную проблему – на анализ размышлений западноевропейцев об исторической роли России. А эти представления двухсотлетней давности детерминируют архетипическую составляющую современного образа России.

В этой связи обращает на себя одно из положений, выносимых автором на защиту: «История региона воспринималась как перманентное противостояние двух начал – творческого («цивилизующего») и разрушительного («варварского»)». (С. 15). Никита Игоревич прав, связывая эту составляющую образа Крыма с представлениями просветителей о «золотом веке», «Эдеме» или «добром дикаре». Но я бы акцентировал здесь другую идеологическую составляющую: противостояние цивилизованной Европы (применительно к Крыму речь идет о наследии генуэзцев) с варварской Россией. И здесь важна эволюция этой составляющей. Эпоху, которой посвящена диссертация, отличает повышенное внимание к вопросам геополитики, идеологии и пропаганды. Вспомним, сколько усилий наполеоновская пропаганда в 1814 г. приложила к демонизации образа России. В своих призывах поставить барьер между нашествием русских варваров в цивилизованную Европу наполеоновская пропаганда обращалась именно к англичанам. Конечно, со стороны Наполеона, это был жест отчаяния, но войны закончились, а образы остались. Возникает вопрос, имело ли место усиление дихотомии «цивилизация-варварство» в английских травелогах о Крыме рассматриваемого периода?

В первой главе «Источники, историография и методика исследования» мы встречаем экскурсы в этимологию (историю происхождения названий региона), историческую географию, историю первых сведений о еще до российского Крыма.

К числу положительных качеств диссертационного сочинения относится использование большого числа разнохарактерных источников. В имагологических исследованиях по специальности «всеобщая история» мы не так часто встречаем работы, автор которых бы столь досконально знал историю народа или региона, который описывается в анализируемых источниках. А исследование Н.И.Храпунова отличает как раз такая доскональность.

Положительно следует оценить предложенную диссертантом историографию. Автор пунктуально рассмотрел около сотни работ и пришел к выводу, что в историографии не только не воссоздан целостный образ региона, созданный этим типом источников, но еще недостаточно изучены такие частные вопросы, как, например, «вопросы о влиянии конкретных стереотипов (например, о «татарской праздности», «русском варварстве» или «восточной антисанитарии») на созданный путешественниками образ Крыма». В историографии даже не ставился вопрос о сходстве и различии образов Крыма, складывавшихся в разных культурах (английской,

французской, русской), а также об общих чертах этих образов с представлениями о других отдаленных регионах (с. 51).

Несколько слов об оригинальности предложенного автором пути познания. Н.И.Харпунов отказался от проблемно-хронологического метода изложения материала, выбрав параллельный анализ каждого из наиболее информативных источников (таковых насчитывается 10 штук). Можно согласиться с автором, что «каждый из этих десяти трудов представляет собой индивидуальный опыт восприятия «нового мира», отягощённый неизбежными фобиями и стереотипами, порождёнными культурной принадлежностью, уровнем образованности и складом характера автора. Определенное внимание уделяется аспектам частной жизни авторов, поскольку особенности личности могли повлиять на восприятие и интерпретацию крымских реалий». (С. 28). Такой подход, видимо, предопределил неуместность выводов по каждой главе работы в отдельности.

В отдельном параграфе «Методика исследования» определяется особое место травелогов в английской культуре, начиная с XVII века, раскрывается авторское понимание понятия «травелог», дается описание вклада отечественных авторов в разработку вопросов имагологии.

Что касается собственно методики, то значение изучения травелогов обосновывается через «теорему американских психологов Томасов» конца 1920-х гг., согласно которой ментальные структуры, вне зависимости от их отношения к реальности, определяют восприятие действительности и действия людей (с. 57). Затем автор разбирает недостатки теории ориентализма Саида, критикует его увлечение дискурсивным анализом в отрыве от *объективных реалий*. Это важный момент для понимания общего методологического замысла диссертации. Судя по предъявленным Н.И.Храпуновым претензиям к Саиду и его последователям, именно эти претензии во многом и определили «краеведческую составляющую» в представленном диссертационном исследовании. Среди использованных автором, по его выражению, «методических элементов» заявлены: «биографический метод», «сравнительно-исторический метод», «просопографический анализ», «имагологический и ретроспективный методы», «этнографические методы», «политологические методы», «филологические методы», «искусствоведческие методы». Надо отдать должное автору, он не просто перечисляет эти методы, а осмысленно объясняет, для чего конкретно они ему понадобились, и какую эвристическую функцию они выполняют в диссертационной работе.

Комплектация фактического материала, анализ его содержания, применение исследовательских методик, структура работы, разрешение поставленных задач в диссертационном сочинении Н.И.Храпунова соответствуют актуальности и значимости темы.

Основное содержание работы состоит в последовательном анализе травелогов на протяжении более 300 страниц. Содержание глав соответствует хронологическому принципу. Во второй главе проанализированы сочинения, заложившие «основы для восприятия

полуострова английским общественным сознанием». В третьей главе уделено внимание травелогам, претендующим «на *всестороннее* описание Крыма». В четвертой главе проанализированы травелоги «демонстрирующие *новые способы* восприятия и описания полуострова». Иными словами, рассмотрены «ранние травелоги», «травелоги классического периода» и периода «осени травелогов», когда близился закат увлечения романтизмом и восход научного (рационального и скептического) изучения Крыма. Таким образом представлена *эволюция* восприятия крымских реалий англичанами.

Основные выводы и результаты проведенного диссертационного исследования суммированы в «Заключении». Выводы эти в целом соответствуют поставленным задачам и выносимым на защиту положениям. В историографии известен ряд обобщающих работ, реконструирующих формирование образов отдельных регионов (например, Восточной Европы в целом, а также Греции, Балкан, Турции, Украины и др.) в культуре «Запада» — теперь к ним добавлено исследование образа Крыма в английской культуре.

Замечания:

1. Во «Введении» при обосновании важности изучения английских травелогов о Крыме допускаются прямые текстовые повторы, например, когда уточняется, что именно «путешественники проанализировали» в Крыму, когда речь заходит о способе мышления англичан (с. 2,3) или, когда декларируется тезис о роли «Иного» в самопознании собственной культуры (с. 3, 6). В автореферате эти огрехи устранены.

2. Во «Введении» имеет место смешение практических (технических) и концептуальных задач в обосновании пути достижения общей цели диссертации (с. 8, 9), что представляется излишним: эвристический этап работы с источниками присутствует в работах такого рода *по умолчанию*.

3. Что касается определения верхней хронологической границы исследования началом 1830-х гг... Поскольку объектом исследования является сознание англичан, то все отсылки к раскопкам или развитию в Крыму туристических услуг, к появлению первого путеводителя по Крыму и т.п. (с. 12) представляются излишними. Так можно обосновать хронологию изучения скорее российских травелогов о Крыме. Тезис автора, что к началу 30-х гг. уже «был сформирован ряд важнейших «крымских» стереотипов, которые впоследствии лишь тиражировались» (с. 12), с одной стороны, несколько обесценивает усилия исследователей, занимающихся восприятием Крыма на Западе в сер. - второй половине XIX в.. С другой стороны, этот тезис достоин стать одним из положений, выносимых на защиту. Другое дело, как утверждает автор, что собственно травелоги перестали, как раньше, влиять на формирование общественных представлений о Крыме. Конец эпохи Романтизма, новый политический фон британо-российских отношений, изменения в идеологической атмосфере по мере приближения к Крымской войне, влияют и на саму литературу путешествий и на ее популярность.

4. Что касается методологии исследования... Есть ряд специальных работ по имагологическому методу в исследовании памятников литературы, авторы которых, отличая «рецепцию» от «перцепции», бойко оперируют понятиями «имаготип», «имагема», «имаготема», «культурный паттерн» и т.д. Междисциплинарность авторы этих работ обычно видят в союзе истории и литературной компаративистики, лингвистики, когнитивистики, философии, политологии, культурологии и т.п. Н.И.Храпунов междисциплинарность видит в использовании «археологических, этнографических, социологических, музееведческих и иных методов исследования» (с. 17.). Эти методы позволяют автору диссертационного исследования комментировать *информацию*, содержащуюся в записках английских путешественников. Такое расширение используемых методов оправдано, если ставится задача установить соответствие между образом и реальностью, оценить уровень информированности авторов травелогов или их способности к адекватному восприятию действительности. Следует отметить, что в имагологических исследованиях такой подход встречается весьма редко и носит эпизодический, а не системный характер. Дело в том, что имагологам просто не хватает эрудиции, чтобы выявить возможные «оптические ошибки». Хочется подчеркнуть, что Н.И. Храпунов блестяще справился с этой задачей. Но во «Введении», в разделе о методологии можно было бы пойти и дальше. С другой стороны, у Н.И. Храпунова встречается и другое понимание междисциплинарности своей работы: «Настоящее диссертационное исследование является междисциплинарным и применяет инструментарий истории, филологии, искусствоведения, социологии, психологии» (с. 70).

В описании методологии исследования автор оперирует понятием «образ», не выделяя ни его уровни, ни его составляющие. Что касается составляющих образа, то автор делает это намеренно, выбирая при структурировании работы, как он пишет (с. 10), не последовательный анализ отдельных исследовательских проблем, а тексты отдельных авторов, что позволяет ему акцентировать внимание на особенностях индивидуального восприятия крымских реалий. Автор обходится без отсылок к философским рассуждениям об «образе» Гуссерля и Витгенштейна, без «архетипов» Юнга без Липпмана, без «Другого» Рикёра, без «Чужого» Копелева, без «Иного» Бубера... Понятно, что работы теоретиков имагологии в целом хорошо известны. В монографическом исследовании отсылки к ним, возможно, и могут быть опущены. Но в диссертационном исследовании, представляется, желателен четкий терминологический аппарат и ясность, каких именно имагологических установок (при всем их многообразии) придерживается автор диссертации. Если уж вести речь об «*индивидуальных особенностях*» авторов травелогов, то нелишним, представляется, было бы выделить в травелогах представления архетипического уровня, стереотипического и собственно авторские мнения. В практике анализа источников этот прием автором используется: речь о том, что нужно соблюсти формальности при оформлении раздела по методологии и методам исследования.

